

О. Д. ЖУРАВЕЛЬ

**ПРОПОВЕДЬ АНДРЕЯ ДЕНИСОВА КАК
ЯВЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ КУЛЬТУРЫ***

УДК 821.161.1.09:271.22-87-475.5

DOI <https://doi.org/10.20913/336-3-2022-28>

В статье рассматриваются проповеди руководителя крупнейшего старообрядческого центра на Выге Андрея Денисова (1674–1730). Автор обращает внимание на связь проповеднического творчества с ключевой концепцией Выга как особого утопического проекта. На Выге был создан особый культурно-идеологический центр внутри империи, своего рода «государство в государстве». Роль Андрея Денисова в этом процессе была важнейшей. В начале XVIII в. он был идеологическим лидером русского духовного традиционализма. С первых десятилетий XVIII в. на Выге формируется уникальная литературная культура, в которой опора на древние книжные и духовные традиции сочеталась с активным усвоением новейших европейских веяний. Яркий расцвет переживает проповедь, вырабатываются ее новые жанровые формы, основанные в основном на барочных риторических стратегиях. Андрей Денисов стремился создать исключительно действенную проповедь, поскольку осознавал важность и эффективность слова. Автор рассматривает основные концепты, образы, приемы, которые использовались при написании текстов, в частности, методы ритмизации проповеди, а также способы позиционирования автора-проповедника.

Ключевые слова: старообрядчество, Выг, Андрей Денисов, литературная культура, проповедь, риторика, барокко

O. D. ZHURAVEL

**ANDREY DENISOV'S SERMONS
AS A PHENOMENON OF LITERARY CULTURE**

The article deals with the sermons of the leader of the largest Old Believer's center in Vyg Andrei Denisov (1674–1730). The author focuses on the connection of sermons creativity with the key concepts of Vyg as a special utopian project. The Vyg founders succeeded in building their own cultural and ideological center inside the empire, a so called state of its own. The role of Andrei Denisov in this process was the most important. At the beginning of the 18th centuries Andrei Denisov was the ideological leader of Russian spiritual traditionalism. A unique literary culture of Vyg was born as early as the 18th century. It was based on ancient literary and spiritual traditions and the modern ideas of European Baroque. The genre of sermon showed its creative potential by appearing in new forms and using the Baroque rhetoric. Andrei Denisov aimed at creating exceptionally high quality sermons, as he fully realized the importance and effectiveness of the

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 22-28-01617 «Противостояние “кромешному миру” в творчестве проповедников конца XVII – начала XVIII века: авторская аксиология, механизмы воздействия».

sermon word. The article reconstructs key concepts, images and preaching techniques, methods of the sermons rhythmizing, as well as the positioning of the author.

Keywords: Old Believers, Vyg, Andrey Denisov, Literary Culture, Sermon, Rhetoric, Baroque

Сведения об авторе

Журавель Ольга Дмитриевна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и истории журналистики Гуманитарного института, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, старший научный сотрудник лаборатории эдиционной археографии Уральского гуманитарного института, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, olga_zhuravel@mail.ru

Zhuravel Olga Dmitrievna, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Theory and History of Journalism of the Humanities Institute, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, Senior Researcher of the Laboratory for Studying Primary Sources, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, olga_zhuravel@mail.ru

В русской культуре и общественной жизни конца XVII – середины XVIII в. проповедь занимала уникальное место. Это было обусловлено запросами времени переходной эпохи, ознаменованной глобальными изменениями и сдвигами в культурном сознании. Проповедь, основанная на гибких риторических стратегиях, оптимально отвечала потребностям в регулярной дискурсивной практике для решения многих актуальных задач, встававших перед обществом. Проповедническое творчество лидеров Выговского старообрядческого центра, и в первую очередь Андрея Денисова, находилось в русле общерусских тенденций. В словесности Выга органически соединились древнерусские традиции и культурные новации, открытость которым диктовалась задачами успешного продвижения вероучения.

Выговское общеземство, основанное в 1694 г., уже к 1720-м гг. достигло своего расцвета и на протяжении почти полутора столетий оставалось главным центром русского духовного традиционализма. «Основатели Выговской пустыни хотели создать монастырь, который станет краеугольным камнем старого обряда», «оплотом веры в мире Антихриста» [Crummy, 1970, p. 134]. В понимании той роли, которая на Выге придавалась слову, в частности слову проповеди, важно помнить, что Выговский центр был задуман не как замкнутая община, преследующая узкоконфессиональные цели. Центральной мыслью основателей Выга, в первую очередь Андрея Денисова, была идея христианской нации – «русский вариант Civitas Dei, Града Божьего» [Зеньковский, 2009, с. 599]. Основание для этой идеи, отчетливо выраженной уже в «Поморских ответах», они видели в концепции «Третьего Рима», представленной текстами 20–30-х гг. XVI в. Эта концепция, утверждавшая вселенскую миссию русской церкви, лежит в основе ключевых постулатов историософии Выга [Крамми, 1992, с. 90–96]. На ней основана идея духовной преемственности, воспринятой защитниками старой веры по наследству от Самого Христа и святых Древней Руси, – одна из самых важных в идеологических построениях поморцев.

Расцвет Выга в значительной степени связан с деятельностью Андрея Денисова, первого киновиарха (избран в 1703 г.) и духовного лидера этого центра, писателя и проповедника. По словам Сергея Зеньковского, «в лице Андрея Денисова староверы обрели человека, способного выработать ясную и определенную доктрину и воспитать новые кадры фанатичных и упорных миссионеров, которые вскоре начнут упорную борьбу за распространение в России старых традиций» [Зеньковский, 2009, с. 596]. Андрей Денисов – автор почти двухсот сочинений, значительная часть которых является проповедями. Андрей Денисов как проповедник еще в XIX столетии привлек внимание Е. В. Барсова [Барсов, 1867], ряд проповедей введены

в научный оборот [Юхименко, 2002, 2007; Журавель, 2006, 2012а, 2012б], но специального исследования его проповеднического творчества до сих пор не проводилось. Между тем «он слыл в Поморье не только мудрым философом, но и изящным церковным проповедником, “вторым Златоустом” [Барсов, 1867, т. 1, с. 243].

Какие произведения Андрея Денисова следует считать проповедями? Выявление полного корпуса проповеднических текстов должно быть основано на источниковедческом и текстологическом анализе всех известных его сочинений. Между тем творческое наследие Андрея Денисова изучено далеко не полностью, опубликована меньшая часть его трудов. Кроме того, проповеднический дискурс может охватывать сочинения, формально не являющиеся проповедями – поучения, послания, даже надгробные слова. Первый «внешний» маркер жанровой принадлежности – обозначение произведения как «слова». Но проблема заключается в том, что многим своим сочинениям Андрей Денисов не давал названий, зачастую в ранних списках, в том числе в авторских, они просто начинаются с «фемы» – цитаты из авторитетного текста, чаще из Библии. Названия давались позже составителями сборников или учеными.

Несомненно, проповедями являются Слова на церковные праздники: на Воздвижение, Рождество, Богоявление, Преображение, Воскресение и др., вошедшие в Выговские Торжественники. Е. М. Юхименко выделяет 17 таких сочинений [Юхименко, 2002, т. 1, с. 116–132]. По структуре исследовательница разделила эти слова на две группы: с неустойчивыми жанровыми признаками (сочинения, имеющие элементы других жанров – послания, поучения, духовного завещания) и сочинения, соответствующие жанровым канонам [Юхименко, 2002, т. 1, с. 118]. Необходимо отметить, что слова, вошедшие в Торжественники, в наибольшей степени соответствуют традициям древнерусского эпидейктического жанра.

Но Андрей Денисов писал свои проповеди не только в дополнение к церковным службам. Многие выговские сборники, в том числе ранние, включают подборки его сочинений, и большая их часть – проповеди¹. В 1764 г. была составлена так называемая Антология сочинений Андрея Денисова. В нее вошло 26 его слов, все они относятся к проповедническому дискурсу, из них три имеют черты жанра послания, одно – Надгробное слово Петру Прокопьеву. Почти все эти слова по фрагментам были включены в качестве примеров в оригинальную Выговскую Риторику-свод (заключена в начале 1730-х гг.). Это Слова о покаянии, молитве, вере, добродетели, чистоте, девстве, человеке и времени, кресте, крестном знамении, воздержании, любомудрии, терпении, смирении, «Слово плачевно о злостраданиях и скорбех Церкви Христовы» и др.² Проповеднический характер имеют его эсхатологические сочинения³, Слово «О содержании староверства

¹ Например: РГБ, собр. Егорова, № 1992; РГБ, собр. Ундольского, № 1252; ГИМ, собр. Хлудова, № 100Д.

² Состав Антологии см.: [Журавель, 2012а, с. 421–422].

³ «Почтение об антихристе» и «На книжицу Стефана» (Дружинин, 1912, с. 94, № 8, № 16) являются двумя частями одного сочинения, главным аргументом в пользу этого является именно анализ их структуры [Журавель, 2012а, с. 174–175].

и о укоризне расколником» (нач. «Кто даст главе моей воду, с божественным пророком Иеремиєю вопию» [Дружинин, 1912, с. 94, № 13] и ряд других.

Большинство проповедей Андрея Денисова соответствуют требованиям риторик, принятых на Выге. Выговская литературная школа, одним из главных создателей которой как раз и был первый киновиарх, была школой риторического типа [Дружинин, 1911; Поньрко, 1981]. Для выработки действенной проповеди выговские старообрядцы усвоили труды крупнейших представителей правящей церкви, южнорусских проповедников и гомилетов. Сохранились выговские списки и оригинальные обработки Риторик Софрония Лихуда, Космы Афоноиверского, Стефана Яворского, Феофана Прокоповича, Андрея Белобоцкого, Иоанникия Галятовского [Журавель, 2012а, с. 21–85]. Самый ранний список, включивший Риторику Софрония Лихуда и Феофана Прокоповича (без указания авторства) датируется 1712 г. (ГИМ, собр. Уварова, № 318).

В совершенстве риторическим искусством овладевает Андрей Денисов. Вероятно, он участвовал и в подготовке Риторики-свода, работа над которой завершилась уже после его кончины в 1730 г.⁴ Особенно большой интерес у киновиарха вызвало творчество Андрея Белобоцкого, философа, ритора и барочного поэта. Его «Риторика» – одна из востребованных на Выге, а «Великая наука», основанная на «*Argis magna*» испанского средневекового философа и поэта Раймунда Люллия, лично редактировалась Андреем Денисовым, сохранился черновой вариант его версии этой книги 1725 г. (РНБ, собр. Тиханова, № 659). Из большой «Великой науки» Белобоцкого он сделал маленькую удобную практическую в использовании книжицу, своего рода пособие по написанию проповеди. Свой замысел он объяснил следующим образом: «Понеже великая наука кабалистичная великую книгу, о ней поучающую, имеет, юже везде преносити или скоро прочести неудобно есть всегда, сего ради вкратце из оныя малая сия написуется <...> Какова же и коль полезна сия наука, о сем в предисловии ... сказуется, zde же в краткособранней книзе не имеем нужды глаголати о меде, коль сладостен есть, и о златых струях, коль богатоделательны суть, но вкратце предсловствующе, от великаго моря в мал сосуд воды почерпаем, и от много-светящаго солнца в малое оконце лучь восприемлем» (РНБ, собр. Тиханова, № 659. Л. 1–1 об.).

Суть книги сводилась к попытке создания логического метода, который должен был служить ключом к постижению всех наук, в частности стать основой создания эффективной проповеди. Слово проповеди представало связанным с глубинными онтологическими категориями [Журавель, 2012а, с. 43–61]. То, как внедрял эту концепцию в свою проповедь Андрей Денисов, ярко демонстрирует его «Слово о человеке»⁵, где антропологическая конструкция выстраивается с опорой на «первопринципы», отражающие атрибуты Бога, Его «силовые, творящие начала»: величие, доброта, власть,

⁴ О структуре Риторики-свода см.: [Журавель, 2012, с. 61–74].

⁵ На основе «Слова о человеке» Андрей Денисов Семен Денисов создал свой вариант сочинения, дополненный предисловием и заключением. См. [Журавель, 2012, с. 134–191].

разум, воля, сила. А главное – утверждается онтологический статус человеческого «естества», обладающего «сущностью». Концепция человека в этой проповеди создается на основе системы ключевых слов, формирующих лейтмотивы, а также при помощи риторических фигур, описание которых находим в барочных риториках: полипотонов, гомеопотонов, анафор. Синонимия и параллельные синтаксические конструкции акцентируют, по сути, гуманистическую концепцию человека, который есть «вещь дивная, велия и всекрасная» [Журавель, 2012б].

Риторика представляли собой не только свод нормативных правил и не были просто учебниками, они заключали в себе определенную систему ценностей, ту или иную эстетическую и философскую концепцию [Аверинцев, 1996; Лахманн, 2001]. В литературной культуре Выга риторика становилась своего рода метатекстами, играли и кодифицирующую, и моделирующую роль в словесности нового типа. Благодаря обильным примерам (прикладам), почерпнутым из европейского сюжетного фонда, они служили и четкими книгами, и подспорьем для проповедника, который мог черпать из них материал для проповедей.

Работа с риториками позволила выработать метод, основанный на рациональных принципах, на использовании логики, философских категорий, применять словесные изобразительные средства для выражения актуального содержания. Каждая риторическая концепция диктовала определенные формы проповеди, что стало причиной их структурного разнообразия. Классификация форм, основанная на современной практике проповедников, содержится в «Риторике» А. Белобоцкого. Он выделяет шесть основных форм: три «риторические», две философские и одну богословскую, объясняя это тем, что «единою всем поучением положити форму неудобь есть, понеже убо формы емлются от правил разных мудростей, а проповедници слова Божия неравно во всех мудростех искусни суть, аще же учении некотории и всех наискусишася, обаче склонность и воля их к единой, нежели к друзей вещи, бывает. Того ради по разности разумов человеческих и формы разныя умножишася»⁶. Жанровая типология проповедей Андрея Денисова напрямую зависела от конкретной риторической стратегии. Так, в барочных риториках Софрония Лихуда и Козмы Афоноверского центральное место уделялось уровню элокуции. Многие проповеди Андрея Денисова украшены богатейшим спектром барочных стилистических средств, хотя ряд текстов соответствует строгости и лаконизму, предписанным в классицистской риторике Прокоповича (Слова о молитве, о покаянии и др.). Барочные риторика ориентировали на метафорический тип речи, «сенсу аллегоричному» посвящены целые разделы в риториках Софрония, Козмы Афоноверского, Андрея Белобоцкого.

Именно при помощи метафор Андрей Денисов выстраивает ключевые концепции, на которых основано его учение, отраженное в проповедях. Как одна из важнейших декларируется концепция любомудрия, которая у него означает любовь к словесным наукам, изящному, мудрому слову, мастерство ритора. Самая частотная метафора, формирующая эту концепцию, –

⁶ Риторика Белобоцкого. РГБ, собр. Егорова, № 958, л. 127.

метафора меда и пчел. Медовой сладостью наделяется и мудрость Священного Писания. Так, в Слове «Всяк подвизаяся от всего воздержится. 1 Коринфяном, 143» послания апостола Павла метафорически обозначаются как «благодатная сладость от Павлова пчелника» [Журавель, 2012а, с. 373]. Апология «мудрого слова» содержится в сочинении, которое, по легенде, Андрей Денисов прочел перед слушателями Киево-Могилянской академии во время поездки в Киев в августе 1718 г. Фема этой проповеди взята из Притчей Соломона: «Сотове медовни, словеса добра, сласть же их исцеление души» (Прит. 16: 24). Символика меда и пчел, имеющая глубокие корни в древнерусской словесности, встречается во многих текстах Андрея Денисова [Журавель, 2012а, с. 13–19].

При помощи метафор выстраивается и базовая оппозиция, обусловленная эсхатологическими взглядами поморцев. Она представлена не только в проповедях, но и во всем творчестве Андрея Денисова, последователя теории «духовного антихриста» [Журавель, 2012а, с. 173–178]. Уже у протопопа Аввакума, Никиты Пустосвята и других основателей движения защитников старого обряда намечается противопоставление «чужой земли», попавшей под власть Антихриста, и своего «отечества» [Елеонская, 1978, с. 79–135]. Эта оппозиция, сформированная комплексом мифологем, получила развитие в словесности старообрядцев разных согласий. И если у Аввакума и его современников «свое отечество» – это достаточно расплывчатый и зыбкий образ, в котором угадываются черты братства верных или идеального государства, то в проповедях Андрея Денисова это Выговская пустынь, переосмысленная через систему метафор.

Внешний мир, пораженный Антихристом, предстает у Андрея Денисова как «век», «бурливый и сварливый». Это и время, и место, это некий эсхатологический хронотоп. Он описан то как пустыня, бесплодная, дикая и терновитая, каменистая, безводная и неутешная, исполненная зверей и всяческих опасностей, то как безводные дебри, то как бурное море или океан. «Век», чужое пространство – это и полная страстей земная жизнь. Это «путь, тернием и острым камением посланный, путь, ратей и страстей изнаполненный, – отсюда змии зияюще, отонюду звери пожирающе, отъинуду разбойницы разбивающе, отсюда наветницы бесчинующе, идеже татие подкопывающе, идеже пленующии пленяюще и невнимающыя в темная адская жилища заносяще» [Журавель, 2006, с. 210–211].

Образ Выговской пустыни получает несколько взаимосвязанных трактовок. Выг осмыслился наследником Святой Руси, идеальный образ которой представлен уже в «Поморских ответах», а затем пышными барочными красками расцвечен в «Винограде Российском» Семена Денисова [Зеньковский, 1970, с. 459–460; Журавель, 2012а, с. 182–185]. Подобно Святой Земле, Выговская пустынь предстает пред-метафорой рая, а насельники Выга называются «гражданами Небесного Иерусалима», именно так в нескольких сочинениях к ним обращается Андрей Денисов. Пустынь описана как идеальное пространство, нечто вроде «рая мысленного» на земле. Призывы видеть «душевными» очами, обращение к мысленному взору, постоянное напоминание «гражданам Небесного Иерусалима» об их высокой миссии ориентировали на религиозно-мистический ракурс восприятия старообрядческой

обители. Создается образ особого мира, соединяющего в себе черты земной и неземной реальности.

Другая ипостась Выга – истинная Церковь, понятая не как стены и покров, но как вера и житие⁷. Метафоры и аллегории проповедника основаны на символах Священного Писания, которые он дополняет новыми оттенками смыслов, соединяет между собой в единый образ. Выг предстает в образе Жены, облеченной в Солнце (Откр. 12: 1–17). Трактовка этого образа применительно к гонимой церкви известна по Толковому Апокалипсису св. Андрея Кесарийского, по сочинению из цикла «Третьего Рима» «Об обидах церкви»; встречается именно такое понимание апокалиптического символа и в полемической литературе XVII в. Но Андрей Денисов делает этот образ ярким, создавая подлинно художественные описания, обладающие большой выразительной силой.

Персонифицированный образ Жены-Церкви как единства верующих, мистического Тела Христова является ключевым в «Слове о вере». Проповедь содержит рассказ о судьбах церкви в эпоху «новин» и ересей, когда она «с бегающими богорадне бегаёт, со странствующими Бога ради странствует, в скровных домех страха ради гонителей скрывается, в ненаселенных местах пустых поселяема бывает (по объявлению тайнозрительнаго Богослова, видевша солнцеоблеченную Жену, бежашу в пустыню, и змия, гоняща за нею)» [Журавель, 2012а, с. 344].

Апокалиптический мотив Жены, облеченной в Солнце, соединяется с образом Невесты Христа, Церкви Христовой на Земле, истинной веры. «Понеже благоизволи <...> Невесты Жених Христос плоти пожитием на земли пострадати за наше спасение, многая гонения, хуления и клеветания, наконец, крестную смерть, – сие и солнцеодеянная Невеста, Его святая Церкви, последуя возлюбленному своему Жениху ради получения вечная светлости в маловременных века сего, проназначена в страданиях и в терпении быти, а наипаче в кончину времен, <...> яже богозрительны тайнозритель во Апокалипсии безмерныя тоя скорби объявил, иже кровоядный чермный змий не престаше ю гнати, в которых ея скорбех свыше помощию даны криле орла великаго, на них же да летит в пустыню, аще и тамо испущает реку, злотекущих вражду, клевету, волнений различных, да ю в реце потопит...» [Журавель, 2012а, с. 352].

Оригинальный персонифицированный образ Выга является центральным в «Слове плачевне о злостраданиях и скорбех Церкви Христовы» [Журавель, 2006]. Эта проповедь основана на древнем сюжете встречи путника с женой, который был известен Андрею Денисову по полемическому сочинению Максима Грека. Под пером выговского лидера образ собеседницы путника преобразуется. Это украшенная седиными Жена, плачущая об отступниках, о своих неверных детях, преступающих заповеди. Встреча с ней происходит «во отишии дубровнем», идиллическом райском пространстве. Женский образ, соединяющий в себе черты и Невесты Христовой,

⁷ Иоанн Златоуст. Слово о еже «Предста Царица» // Иоанн Златоуст. Маргарит. Москва, 1641. Л. 519.

и Церкви-матери, и Жены, облеченной в Солнце, должен был вызывать сочувствие и раскаяние у слушателей проповеди.

Между Выгом и Небесным Иерусалимом нет принципиально непроходимой границы. В сочинениях Андрея Денисова переход из пустыни в райские обители представлен как постоянный процесс, обусловленный принадлежностью к братству. Тема непрерывного пути образует лейтмотив многих сочинений Андрея Денисова, где выговцы предстают путешественниками, идущими к конечной цели пути. «Вам глаголю, путешествующим в пресветлейший матере градовом, во всекраснейшую митрополию, во всесладчайшии Небесныи Иерусалим, в вечную утеху, в некончаемыи прохлад, в клеветство пресветлых аггел, в соседство всекрасных жителей небесных...» – обращается к слушателям Андрей Денисов [Юхименко, 2007, т. 1, с. 132]. Связь миров подчеркивается параллельными синтаксическими конструкциями: «зде обнищавшим – тамо обогащающимся; зде смирившимся – тамо прославляющимся; зде служащим – тамо воцаряющимся...» [Юхименко, 2007, т. 1, с. 132–133].

В проповеди важна личность автора. «Проповедник не только историческая личность и даже не только творческая личность оратора и художника, но лицо, пастырь, получивший от Духа Святого дар проповедания и власть учить» [Зубов, 2001, с. 11]. Авторитет Андрея Денисова у пустынножителей и многих последователей учения был безусловным. Однако в проповедях он использовал и специальные приемы усиления воздействия своих слов.

Диалогическая структура проповеди, ориентированной на слушателя, подчеркивается этикетными обращениями. «Слышателии благочестивии», – обращается автор к тем, кто готов внимать его слову. «С сим пророческим гласом ... желаю словодатне приити к вашему церковному сословию...» [Журавель 2012а, с. 338]; «сице убо, о православное сословие, слово показует, како праведный от веры жив будет» [Журавель 2012а, с. 348]; «Бога прошу о помощи, вашу же любовь о незазоривом и прилежном послушании» [Журавель 2012а, с. 352], – эти и подобные фразы не редки в текстах проповедей Андрея Денисова. Проповедник мог активизировать восприятие слов и вопросами: «Видиши ли апостольских словес силу? Зриши ли глаголов их дело преславное?» [Журавель 2012а, с. 362]. Эффективность словесного воздействия усиливалась призывами. Слово проповеди – слово внушающее, чему способствуют обильные перформативные конструкции, как, например, в следующем: «Тем же убо слышаще и ведяще сия, о боголюбное правоверное сословие ... *возненавидим* (здесь и далее курсив мой. – О. Ж.) мерския грехи и отженем, *отринем, попрем* беззаконная сквернения, яже паче саж потемневают, паче смолы почерневают, паче кала посмражают, всесладчайшаго нашего Владыку гневают, ангелов наших хранителей от нас отгоняют... *Возлюбим, воспримем, сохраняем* заповеди Божия... *Потцимся* всеусердно на добродетели...» [Журавель, 2012а, с. 356–357].

Обращают на себя внимание приемы позиционирования автора. Обращение к слушателям могло быть одновременно цитатой из Священного Писания, с которой начинается сочинение, и тогда слово проповедника сливается с голосом пророка, а через него – и Самого Бога: “Слышите, возлюбленнии

мои, – рече Господь, – се пред вами дни скорбни, и от всех избавлю вас. Не бойтесь, не сумняйтесь, яко Бог водитель ваш есть. И иже воздержати заповеди и повеления Моя, – рече Господь Бог, – да не отягчают вас грехи ваши, ни воздвигнутся беззакония ваша. Горе, иже стиснутся от грех своих и отягчатся от беззаконии своих”, – у Ездры пророка Божия написано в 3 книгах, в главе 16» [Журавель, 2012а, с. 351]. Эффект воздействия, производимый на слушателя послания, был обусловлен в первую очередь словами Всевышнего, подтвержденными затем ссылкой на пророка. Призыв руководителя Выга отказаться от грехов и ничего не бояться в страшное апокалиптическое время, поскольку они все уже прощены и приняты Богом-Отцом, обретал особую силу убеждения.

«Кто даст главе моей воду, – с Божественным пророком Иеремием вопию, – и очима моима источник слез, да плачу день и ночь доспевшее на ны злочастное сие время...»⁸ – и здесь слушатели воспринимали голос автора через призму голоса пророка, поскольку с этих слов начиналась проповедь. Таким образом, у слушателей посланий создавалось ощущение, что они слышат голос самого пророка – Давида, Моисея или Ездры, что должно было усиливать убедительность высказывания.

Не редки в проповедях Андрея Денисова и приемы драматизации. Перед мысленным взором слушателей представала, подобно царице, аллегория Девства:

«Сию солнцесиятельную добродетель возжелех в показателной словес ризе украшенну представити пред вашими, о боголюбезное христоневестное сочленение, очесы, и аще бы всебогатшая и всеславнейшая некая царица явилася бы посреде вас, красотою мною сияющая, вас бы любезно украшающая, и многомилостивно венчающая, и все сладостно приветствующая и от всех злых охраняющая, не бы ли вси стекшееся, многожеланно окружающе, все любезно и многопочтенно восприяти възусердствовали бы! Ныне же всекраснейшая царица Девство в сих показателных словесех приводится от нас, грубых, посреде вашего девического собору, солнцесияющыя лучи своя на вся вы озаряющыя, вся вы вечною славою венчающая, благодатною славою питающая, в небесный невестник на безсмертную светлость любители своя вземлющая» [Журавель, 2012а, с. 378]. Слушатели будто приглашались не на слушание проповеди, а на некое пышное зрелище, как почетные гости: «Приидите на вселюбезнейшее тоя видение, стецытеся на все сладчайшее сея мироухание, насладитесь всекраснейшия доброты тоя, напитайтесь все сияющыя славы ея!» [Журавель, 2012а, с. 378].

Увлекательно рассказан сюжет о плавании Антония Римлянина на камне в «Слове о вере». Участниками действия оказываются, помимо святого, и гонители, и Всевышний. «Но что творит живой на высоких и на смиренных призирает? <...> Повелевает возшумети морю чрез естество, да паче гласа шум его обличитель латином будет. Помовает волнам восклатати зелне, да зелны помощники правоверному борцу будут, претворяет камня тяжкое существо, легчайши корабля, послушнее словесных нечювственное показуя, подлагает хребет море, подъемлет камня, яко корабля,

⁸ БАН, собр. Дружинина, № 74, л. 69.

вскачет на нь камень, яко пернатый, подъемлет на себе человека <...>. Чюдно видение: ангел некий легчайш орла – каменноплаватель бывает! Преносят моря, реки – Нева, Волхов с радостию воспящают свои струи, отдают Нову граду преестественна благовестника. ...Тако вера славящих ю прославляет» [Журавель, 2012а, с. 345–346].

В проповедях Андрея Денисова не редки визуальные образы, что отвечало принципам эстетики барокко. Разделы об «эмблематах» включают барочные риторикки, в частности те, что вошли в Риторику-свод. Один из структурных элементов нескольких проповедей Андрея Денисова – пример «от эмблемы». В «Слове о времени» барочный концепт *vanitas vanitatum* представлен развернутой визуальной метафорой в форме загадки, основанной на символике колеса: «Возри прилежно на время жития сего и виждь, яко есть коло некое непостоянное, толико непрестанно быстротекущее, толико присно вертящееся, стояти никогда же, опретися никогда же могущее. Како убо постоит, ног не имея, како опрется, рук не имея, како усмотрит вредная, очес не имеющи?» [Журавель, 2012, с. 403–404].

В «Слове о Девстве» эта важнейшая для пустыни добродетель иллюстрировалась визуальной метафорой «шипка», розы. «Сие прекраснейшее девство есть шипок многоцветущий, благоуханный, сладкоараматный, мноюю красотою сияющий, мноюю сладость источающий, весь же тернием острым окруженный, жесточайшим камением обложенный, понеже пресветлейшая сия добродетель в жизни сей соблюдается жестокостию жития прекраснейшими плодами... по священному Спасову гласу: “Нужно есть Царствие Небесное, нужници восхищают е”» [Журавель, 2012, с. 403–404]. Эстетика образа, в котором нежность и благоухание совмещаются с колкостью шипов, получала дидактический смысл благодаря аллюзии на текст Евангелия.

Проповедь Андрея Денисова – слово, рассчитанное в первую очередь на произнесение. Отсюда – повышенное внимание к ритмике, звуковым эффектам, обилие ассонансов, аллитераций, нередко встречаются и рифмы. Чаще это глагольные рифмы, подкрепляемые ассонансными:

«Аще высокоустроенный дом красновидно усмехается, / но основания крепостию весь утверждается, / тако церковь, аще многими светоблещает добродетельми, / но единою веры православныя красотою светлется...» [Журавель, 2012а, с. 337].

Ритмический рисунок создается за счет повторов, параллельных синтаксических конструкций, анафор и других риторических фигур.

«Не вся словеса, яже глаголют человеци, добра суть,
не вся премудрости медом помазана,
не вся исцеление души творящая,
паче же многажды износим суетная и праздная словеса,
и никоея же пользы, но вред души соделовающая,
и не сладость умную, но паче горкость вечную
и помрачение совестное источающая» [Журавель, 2012а, с. 359].

В Риторике Феофана Прокоповича, ранний выговский список которой датируется 1712 г., содержались и правила произношения проповеди: «Первое правило убо буди о гласе: яко подобает иногда отончати, иногда во высоту

возводити, иногда низу преклоняти, иногда скор, иногда косен имети, иногда гремящи, иногда тишайши произносити, вся же сия гласа различие по разсужению вещей глаголемых устроевати тебе; второе действие содержится в лице, наипаче и руках, разсудати убо подобает ритору, что и о чем глаголет, да страшная глаголюще, и сам лицом страшен будет, в словесех смиренных смирен, во любовных любовен, во веселых радостен, скорбен же да явится во скорбных...»⁹ – всего восемь рекомендаций, способствующих большей выразительности и эмоциональному воздействию проповеди. В Антологию сочинений Андрея Денисова и в Поморскую риторику конца XVIII века уже включена глава «О произношении Андрея Дионисиевича», где описано его мастерство оратора.

Проповеди Андрея Денисова представляют собой образцы словесного искусства, основанные на риторических стратегиях. В первую очередь эти сочинения были направлены на утверждение основ веры, укрепляли дух приверженцев учения и привлекали новых сторонников староверия, поддерживали веру в создание «острова спасения» в океане Антихриста. Они содержали программу религиозно-нравственного совершенствования, служили своеобразным дополнением к Уставу, принятому на Выге. Искусство проповеди, которым в совершенстве владел Андрей Денисов, стало одним из условий расцвета Выговского старообрядческого центра, который на протяжении почти полутора столетий сохранял и развивал отечественные духовные традиции в условиях постоянно меняющегося «кромешного» мира.

Список литературы / References

- Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. Москва : Яз. рус. культуры, 1996. 448 с.
Averintsev S. S. (1996) Ritorika i istoki yevropeyskoy literaturnoy traditsii (Rhetoric and Origins of the European literary Tradition). Moscow, Languages of Russian Culture, 448 p. (In Russ.).
- Барсов Е. Андрей Денисов Вторушин как выгорецкий проповедник. (Материалы для истории раскола) // Тр. Киев. духов. акад. Киев, 1867. Т. 1. С. 243–263.
Barsov E. (1867) Andrey Denisov Vtorushin as a preacher of the Vyg (Materials for the history of the Old Believe). Trudy Kiyevskoy Dukhovnoy Akademii. Kiyev. Vol. 1: 243–263, Vol. 2: 81–95 (In Russ.).
- Дружинин В. Г. Словесные науки в Выговской поморской пустыни. Санкт-Петербург : Тип. М. А. Александрова, 1911. 32 с.
Druzhinin V. G. (1911) Slovesnyye nauki v Vygovskoy pomorskoj pustyni (Verbal sciences in the Vygovsky Pomeranian desert). St. Petersburg (In Russ.).
- Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев. Санкт-Петербург : Имп. Археогр. комис., 1912. XIV, 534 с.
Druzhinin V. G. (1912) Pisaniya russkikh staroobryadtsev (Writings of Russian Old Believers).

⁹ См. публикацию: [Журавель, 2012а, с. 33–34].

- Журавель О. Д. К истории образа Церкви в старообрядческой литературе: «Слово плачевно о злостраданиях и скорбях Церкви Христовы» Андрея Денисова // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. Новосибирск, 2006. С. 199–218.
Zhuravel O. D. (2006) On the History of the Image of the Church in Old Believer Literature: “Slovo plachevno o zlostradaniikh i skorbekh Tserkve Khristovy” Andrey a Denisova Obshchestvennoye soznaniye naseleniya Rossii po otechestvennym narrativnym istochnikam 16th – 20th centuries. Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science: 199–218 (In Russ.).
- Журавель О. Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI вв.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012. 442 с.
Zhuravel O. D. (2012a) Literaturnoye tvorchestvo staroobryadtsev XVIII - nachala XXI vekov: temy, problemy, poetika (Literary creativity of the Old Believers 18th – early 21st centuries: themes, problems, poetics). Novosibirsk, Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 442 p. (In Russ.).
- Журавель О. Д. Старообрядческие сочинения начала XVIII в. о человеке // Власть, общество и человек в исторических и литературных источниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2012. С. 134–191.
Zhuravel O. D. (2012b) Staroobryadcheskiye sochineniya nachala XVIII veka o cheloveke Power, society and a person in historical and literary sources 16th – 20th centuries. Novosibirsk: of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences: 134–191 (In Russ.).
- Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. Москва : Церковь, 1970. 528 с.
Zenkovsky S. (1970) Russkoye staroobryadchestvo: dukhovnyye dvizheniya semnadsatogo veka (Russia's Old-Believers: Spiritual Movements of the Seventeenth Century). Moscow, Church. 528 p. (In Russ.).
- Зеньковский С. А. Идеологический мир братьев Денисовых // С. А. Зеньковский. Русское старообрядчество. Москва, 2009. Т. 2. С. 594–606.
Zenkovsky S. A. (2009) Ideologicheskiy mir brat'yev Denisovykh Zenkovsky S. A. Russian Old Believers: in 2 vol. Moscow: 594–606 (In Russ.).
- Зубов В. П. Русские проповедники: очерки по истории русской проповеди. Москва : Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.
Zubov V. P. (2001) Russkiye propovedniki: Ocherki po istorii russkoj propovedi (Russian preachers: Essays on the history of Russian preaching). Moscow, Editorial URSS. 232 p. (In Russ.).
- Елеонская А. С. Русская публицистика второй половины XVII века. Москва : Наука, 1978. 270 с.
Eleonskaya A. S. Russkaya publitsistika vtoroy poloviny XVII veka (Russian journalism of the second half of the 17th century) Moscow: Publishing House “Science”, 1978. 270 p. (In Russ.).
- Крамми Р. Историческая схема выгорецких большаков // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 90–96.
Crummey R. (1992) Historical Scheme of the Vygoresky Bolshaks Traditsionnaya dukhovnaya i material'naya kul'tura russkikh staroobryadcheskikh poseleniy v stranakh Yevropy, Azii i Ameriki. Novosibirsk: 90–96 (In Russ.).
- Лахманн Р. Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического. Санкт-Петербург : Акад. проект, 2001. 368 с.
Lachmann R. (2001) Demontazh krasnorechiya. Ritoricheskaya traditsiya i ponyatiye poeticheskogo (Dismantling of eloquence. Rhetorical tradition and the concept of the poetic). St. Petersburg, Academic Project, 2001. 368 p. (In Russ.).

- Понырко Н. В. Учебники риторики на Выгу // ТОДРЛ. Ленинград, 1981. Т. 36. С. 154–162.
- Ponyrko N. V. (1981) Textbooks of Rhetoric on the Vyg Trudy ot dela drevnerusskoy literatury. Leningrad. Vol. 36. P. 154–162 (In Russ.).
- Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. Т. 1. Москва : Яз. славян. культуры, 2002. 544 с.
- Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. Т. 2. Москва : Яз. славян. культуры, 2002. 480 с.
- Yukhimenko E. M. (2002) Vygovskaya staroobryadcheskaya pustyn'. Dukhovnaya zhizn' i literatura (Old Believers' Desert of Vyg. Spiritual Life and Literature) In 2 Vol. Moscow, Languages of Slavic Culture. Vol. 1 (544 p.), vol. 2 (480 p.) (In Russ.).
- Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого обществa. Т. 1. Москва : Яз. славян. культуры, 2008. 686 с.
- Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого обществa. Т. 2. Москва : Яз. славян. культуры, 2008. 568 с.
- Yukhimenko E. M. (2008) Literaturnoye naslediyе Vygovskogo staroobryadcheskogo obshchезhitel'stva (Literary Heritage of the Old Believers community of Vyg) In 2 Vol. Moscow, Languages of Slavic Cultures. Vol.1: 686 p. Vol. 2: 568 p., 2008. 568 p. (In Russ.).
- Crummey R. O. The Old Believers and the World of Antichrist. The Vyg Community and the Russian State 1694–1855. Madison, Milwaukee ; London, 1970. 258 p.